

БЛОК В АРХИВЕ ЧУКОВСКОГО

Публикация и примечания Е. Ц. Чуковской

Чуковский бережно хранил в своем архиве письма от Александра Блока и его родных. Часть этих документов опубликована (см. кн. 2, с. 232). Однако сохранились не только блоковские письма, но также его заметки и наброски. В архиве Чуковского оказались и деловые записочки Блока к Е. П. Струковой (секретарю издательства «Всемирная литература») и два письма от матери Блока.

Эти разнородные документы прямо не связаны друг с другом. Их объединяет причастность к личности Блока, к его биографии. Заметки Блока и его письма к Е. П. Струковой дают новые примеры конкретного участия Блока в работе горьковской коллегии «Всемирная литература». Публикуем все эти наброски и письма с небольшим комментарием.

1

Отношения Блока и Горького постоянно привлекают к себе внимание мемуаристов и исследователей. Истории этих отношений посвящена статья А. Крюковой в настоящей книге. В статье, в частности, рассказано об участии Блока в подготовке юбилейного сборника о Горьком, задуманного в 1919 г.

«Решено было выпустить сборник, посвященный юбиляру, — вспоминал К. Чуковский. — Редактирование сборника поручили А. А. Блоку и мне [...] Молодому писателю Михаилу Слонимскому было поручено собрать материалы для этого сборника. Сборник был частично готов, когда Горький заявил нам, что по зрелом размышлении он считает выход сборника несвоевременным»¹.

А вот запись самого Блока: «9 апреля 1919. 3 часа — к Горькому по пов(о)ду книги о нем, кот(орую) редактируем мы с Чуковским» (ЗК, 455).

Мих. Слонимский писал Б. А. Бялику в 1964 г.: «В 1919 г. группа писателей, близких Горькому, задумала издать сборник, посвященный его юбилею — 50-летию со дня рождения. К. И. Чуковский привлек меня к этому изданию как секретаря и мне было поручено составить хронологическую канву жизни и творчества Горького»².

Итак, по свидетельству К. Чуковского, «сборник был частично готов», о «хронологической канве» М. Слонимского можно прочесть в специальном исследовании³, но есть лишь несколько упоминаний об участии Блока в подготовке юбилейного горьковского сборника (если не говорить о собственных заметках Блока в «Дневнике» и «Записных книжках»).

В письме к Д. Максиму Чуковский сообщает: «Ал. Ал. горячо принялся за дело. Он решил написать для этой книги статью и ходил вместе со мною к Шаялину просить Федора Ивановича о том, чтобы тот написал мемуары о Горьком (Шаялин согласился и написал страниц 20) [...] У меня где-то есть записи Блока, как редактора книги: мы выработали план, к кому обратиться за статьями о Горьком»⁴. В «Чукоккале» сохранился рассказ Чуковского о том, как они с Блоком были у Шаялина, и запись Блока о Шаялине, сделанная 9 апреля 1919 г.⁵

Михаил Слонимский дважды упоминает о работе Блока над статьей о Горьком. В «Книге воспоминаний» Слонимский пишет: «Самый неожиданный материал понадобился Александру Блоку — отзыв какого-то митрополита об Алексее Максимовиче. Не помню, к сожалению, что это был за митрополит или, может быть, архимандрит, и что он такое сказал о Горьком, но поразительно было своеобразие материала»⁶. Слонимский вспоминает, что была записка к нему от Блока: «Он (Блок. — Е. Ч.) просил в записке достать ему некоторые материалы, эту записку лет 25 назад я отдал одному литератору. По ней видно было, с какой любовью, с какой проникновенной тщательностью готовился Блок к написанию статьи о Горьком»⁷.

В письме ко мне от 28 мая 1981 г. И. И. Слонимская сообщила: «Этот „литератор“ — это Илья Груздев, которому М. П. в то время передал все собранные им материалы по Горькому».

Как видно из всех этих цитат, участники работы над «Книгой о Горьком» вспоминают и о «записке Блока», и о его «записях, как редактора книги», и о «плане» сборника. Однако сами эти документы никому не были известны и никогда не были опубликованы. Теперь в архиве Чуковского нам удалось обнаружить план «Книги о Горьком» и заметки Блока⁸. Найденные документы позволяют впервые установить ранее неизвестную структуру сборника. План книги написан рукой Чуковского. По этому плану сборник должен был открываться статьей Блока. На обороте этого листка с планом и на нескольких таких же листочках рукой Блока записаны отрывочные мысли о Горьком — всего четырнадцать фраз.

Приводим оба текста: план книги и заметки Блока.

«Предполагаемый состав книги о Горьком, редакторами которой были намечены Блок и я.

Статья Блока

Статья Чуковского 2 листа

Статья Амфитеатрова

Биография, написанная Строевым

Шаяпин

Замятин

Десницкий

Куприн

Ремизов

} *Биография*

Материалы о Горьком

Слонимский

«Этот текст написан рукой К. Чуковского. — Е. Ч.»

Набор немного громоздкий

До него — поэзия неделания

счастьяискатель

очищаются Голгофой

В этом его помешательство

лишен чувства бесконечности и вечности

Фет слишком далек и Соловьев тоже

«Две души» после «В людях».

Никто из русских писат(елей) русской болезни жестокости до Горького не замечал

Мысли, как бревна — много еще сравнений

Критическое подчеркивание

Сколько людей у Горького!

Талантлив — решающее для Чуковского

Несвоевр(еменные) мысли — не все серо»

«Этот текст написан рукой Блока. — Е. Ч.»

Первое, что приходит в голову, когда смотришь на эти беглые наброски, — что Блок записал свои мысли о Горьком, которые намеревался развить в будущей статье. Легко принять эти заметки за суждения Блока о Горьком. Тем более, что в «Дневнике» 20-го года Блок пишет почти то же самое об отношении Горького к Фету: «ненависть к Фету» (VII, 371).

Однако дальнейшее знакомство с историей этой невышедшей книги заставляет, хотя бы частично, отказаться от такого взгляда.

Первые сомнения возникают при чтении статьи «Вечер Студии „Всемирной литературы“ (А. Блок — „Возмездие“. К. Чуковский — статья о Горьком)». В газетном отчете о вечере рассказано о выступлениях Блока и Чуковского 12 июля 1919 г. Блок прочел новую главу из ненапечатанной поэмы «Возмездие», а Чуковский — в присутствии Блока — «неизданную» статью о Максиме Горьком. Автор газетного отчета излагает содержание статьи: «Критику

удалось показать, что Максим Горький не романтик и не богоискатель, а *счастьеискатель* <...> *Россия больна жестокостью... больна азиатчиной неделания*»⁹. (Курсив здесь и далее мой. — Е. Ч.). Бросается в глаза, что даже беглый пересказ лекции Чуковского — текст ее, к сожалению, не сохранился — содержит несколько дословных совпадений с мыслями, высказанными в заметках Блока. По записным книжкам Блока видно, что Блок не только слышал 12 июля 1919 г. авторское чтение «неизданной статьи о Максиме Горьком», но ранее того, 23 апреля 1919 г. читал эту статью¹⁰.

В пересказе ненапечатанной статьи 1919 г., прочитанной в присутствии Блока, и в книге Чуковского о Горьком, вышедшей в 1924 г.¹¹, можно обнаружить фразы, которые дословно или почти дословно повторяют мысли, записанные Блоком:

«До него ... *поэзия неделания*» (с. 12).

«Горький не богоискатель, не правдоискатель, он только *искатель счастья*» (с. 12).

«<...> рассказать ей <Богородице> о наших скорбях. *В этом его помешательство*» (с. 19).

«Он ни за что не написал бы как *Фет*

Прямо смотрю я из времени *в вечность*» (с. 20).

«Ему некогда думать о потустороннем и *вечном*» (с. 19).

«Кроме повести „*В людях*“ будет чрезвычайно полезна маленькая статья Горького „*Две души*“, появившаяся почти одновременно с повестью» (с. 32).

«Горький в своей статье („*Две души*“.— Е. Ч.) заявил, что *русская душа больна жестокостью*» (с. 32, 34):

«<...> *Никто из русских писателей до сих пор этой болезни не замечал*» (с. 34).

«В его художественных образах бездна нюансов, а мысли элементарны, топорны, как бревна, и так же, как бревна, массивны...» (с. 37).

«Интересно бы сделать перепись <...> *в книгах Горького, — сколько людей там приходится на каждый квадратный вершок*» (с. 53).

«Нельзя было не заметить в нем (Горьком.— Е. Ч.) этой многообразной *талантливости*» (с. 25).

«<...> его буйный декоративный талант» (с. 50). «Он — огромный талант» (с. 64).

«*Несвоевременные мысли*». Где ни откроешь, *серо*» (с. 57).

Итак, из четырнадцати фраз Блока — одиннадцать обнаруживаются в книге Чуковского о Горьком. Правда, о «Несвоевременных мыслях» Чуковский и Блок высказывают прямо противоположные мнения. Лишь три фразы Блока: «набор немного громоздкий», «очищаются Голгофой» и «критическое подчеркивание» отсутствуют в книге Чуковского (если не считать цитаты из Достоевского «человек только и хорошо страдающим» (с. 45)).

Дословное совпадение текстов Блока и Чуковского нуждается в объяснении.

Одно из таких объяснений: Чуковский воспользовался замыслом Блока и выдал его мысли за свои сперва в присутствии Блока, на своей лекции, а потом, после смерти Блока, в своей книге о Горьком.

Это предположение, однако, легко опровергнуть. Ведь еще до того дня — весной 1919 г., — когда Блок и Чуковский намечали состав юбилейного горьковского сборника и Блок набросал свои заметки о Горьком, Чуковский-критик уже многократно писал о Горьком в печати (см., например, его статьи «Максим Горький», 1907; «Новый Горький», 1910; «Покаяние Горького», 1910; «Утешеньишко людishкам», 1915)¹², а Чуковский-лектор выступал с лекциями о нем. Одна из таких лекций называлась «Большая Россия и ее целитель Горький» (1917)¹³. Знакомство с этими и другими критическими работами Чуковского позволило установить, что многое из того, о чем пишет Блок в своих набросках, было ранее напечатано Чуковским в его критических статьях.

Например, статья Чуковского «Покаяние Горького» начинается с перечисления жестокостей, описанных в горьковских книгах: «ленивая скука, необъяснимая *жестокость*, зевота».

В статье «Утешеньишко людishкам» читаем: «*До него лишь поэзия непротивления, неделания...*»

В предисловии к книге «От Чехова до наших дней» (1908) Чуковский утверждает: «Особый пункт помешательства есть у каждого писателя, и задача критики в том, чтобы отыскать этот пункт». Фраза Блока: «очищаются Голгофой, в этом его помешательство» — явно перекликается с вышеприведенной мыслью Чуковского.

ЗАМЕТКИ БЛОКА И ЧУКОВСКОГО ДЛЯ СБОРНИКА СТАТЕЙ О ГОРЬКОМ

Автографы, 1919

Архив К. И. Чуковского, Москва

¹ «Чукоккала». М., «Искусство», 1979, с. 198.

² Цит. по кн.: Г. Гвенитадзе. М. Горький и духовное единение народов. М., «Сов. писатель», 1977, с. 11.

³ Там же.

⁴ Д. Максимов. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., «Сов. писатель», 1975, с. 520.

⁵ «Чукоккала», с. 212.

⁶ Мих. Слонимский. Книга воспоминаний. М.—Л., «Сов. писатель», 1966, т. 45, 46.

⁷ Мих. Слонимский. «...Любовью своей к родному народу». — «Звезда», 1981, № 10, с. 174.

⁸ ГБЛ, ф. 620, к. 61, ед. хр. 19, л. 18, 18 об., 19, 19 об.

⁹ В. Р. Вечер Студии «Всемирной литературы». — Газ. «Жизнь искусства», 16 июля 1919 г., с. 1.

¹⁰ ЗК, с. 457, и прим. 46 на с. 591.

¹¹ К. Чуковский. Две души М. Горького. Л., Изд-во «А. Ф. Маркс», 1924. В тексте статьи все ссылки на страницы даны по этому изданию.

¹² См.: «Родная земля», 19 марта (1 апреля) 1907 г.; «Речь», 28 февраля (13 марта) 1910 г.; 2 (25) сентября 1910 г.; 5, 12 июля 1915 г.

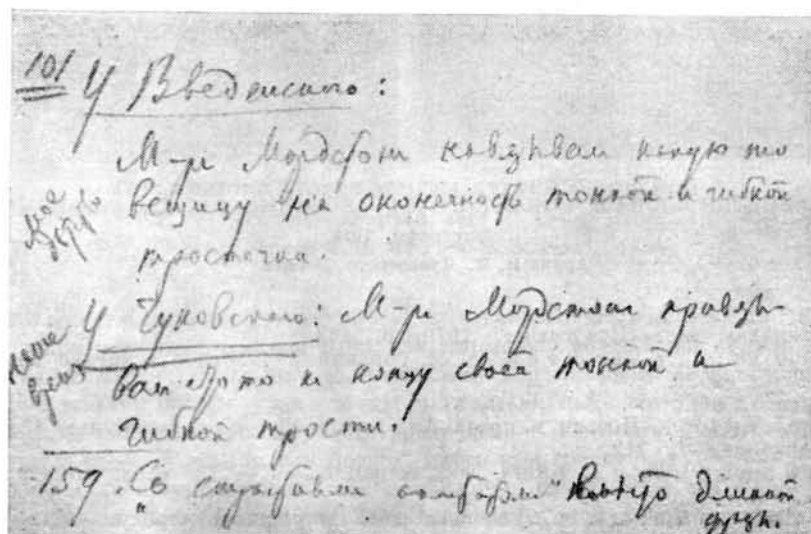
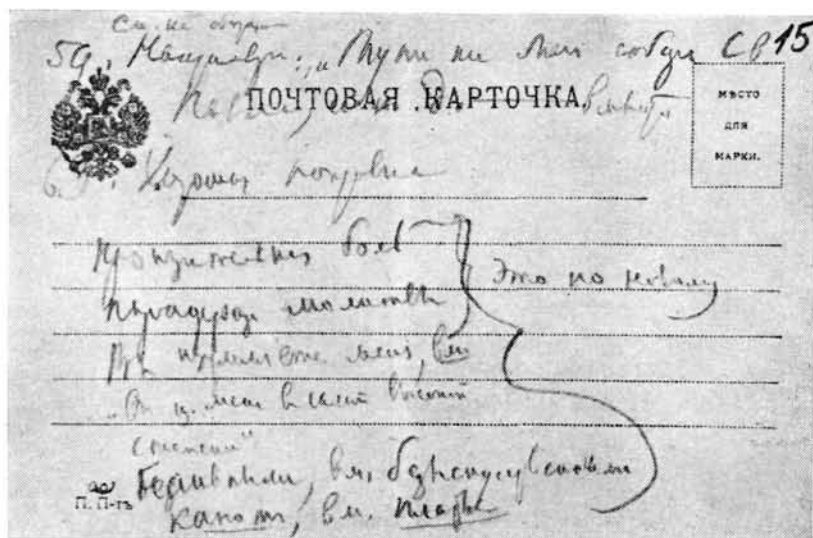
¹³ «Русская воля», 26 января 1917 г.

¹⁴ М. Горький. Статьи 1905—1916 гг. Второе издание без цензурных изъятий и дополненное двумя статьями. Пг., «Парус», 1918.

2

Сохранились также карандашные заметки Блока по поводу «Давида Копперфильда» (иккенса в переводе Иринарха Введенского. Заметки сделаны на «почтовых карточках» двух сторон и касаются редакторских поправок Чуковского.

О происхождении этих листков Чуковский рассказывает: «Порою бывало и так, что он Блок.— Е. Ч.) брал у меня какой-нибудь из проредактированных мною переводов, внимательно исследовал их и возвращал со своими заметками. Началось с того, что, редактируя иккенса, я сделал одно горькое открытие. Оказалось, что Иринарх Введенский, которого мы лет шестьдесят или семьдесят считали лучшим переводчиком «Пиквикского клуба», «Давида

ЗАМЕТКИ БЛОКА О РЕДАКТИРОВАНИИ ЧУКОВСКИМ ПЕРЕВОДА РОМАНА ДИККЕНСА
«ДАВИД КОППЕРФИЛЬД»

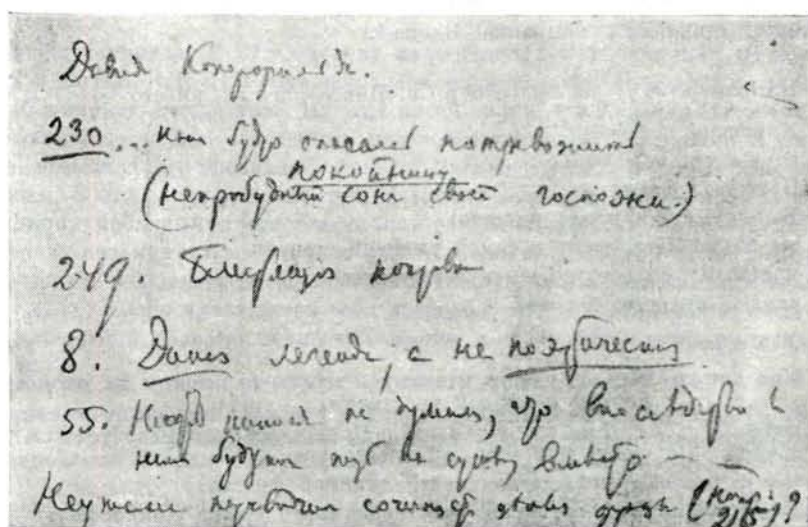
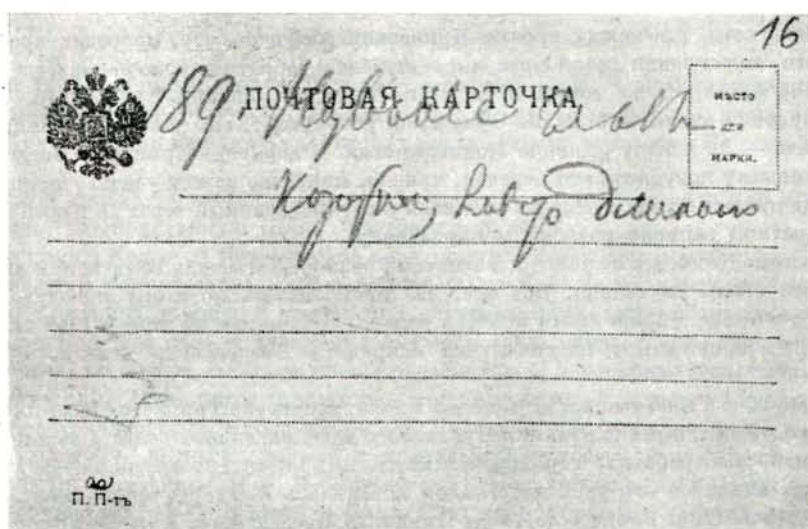
Автограф, 1919

Архив К. И. Чуковского, Москва

Копперфильда», «Домби и сына», на самом-то деле был бесцеремонным невеждой и выдумщиком. Он не только искажал тексты Диккенса, он сочинял десятки отсебятин, которые навязывал Диккенсу. Об этом своем открытии я с грустью поведал Александру Александровичу. Стоило ли работать над текстом такого неряхи? Правда, неряха был очень талантлив, но это помогало ему еще сильнее отклоняться от подлинника. Иногда у меня уходило часа два или больше на то, чтобы привести в соответствие с подлинником одну-единственную страницу Введенского. Блок, который с детства привык считать этого переводчика замечательным мастером, взял у меня томик «Копперфильда» с моими поправками и к ближайшему заседанию принес этот томик со своими карандашными заметками.

Недавно я — полвека спустя — разыскал эти заметки и решил приобщить их к Чуковскому. Здесь не место расшифровывать их¹.

Томик «Копперфильда» с многочисленными поправками Чуковского, вклейками, вписанными и зачеркнутыми фразами, подстрочными примечаниями и т. д. сохранился в его библиотеке. Это — та самая книга, которую внимательно перечел Блок².

ЗАМЕТКИ БЛОКА О РЕДАКТИРОВАНИИ ЧУКОВСКИМ ПЕРЕВОДА РОМАНА ДИККЕНСА
«ДАВИД КОШПЕРФИЛЬД»

Автограф, 1919

Архив К. И. Чуковского, Москва

Характеризуя редакторский труд Чуковского, Блок пишет в своих заметках: «хорошая поправка», «блестящие поправки» (указаны определенные номера страниц). Блок отмечает также, что Чуковский заменяет некоторые выражения более современными. Выписав в столбик несколько таких фраз, Блок пишет сбоку — «это по-новому». Сопоставляя отдельные фразы из переводов Введенского и Чуковского, Блок пишет о Введенском: «мое детство», о Чуковском: «наше время». Выписывает Блок и примеры того, как Чуковский заменяет длинные фразы Введенского короткими. Кончатся эти заметки вопросом: «Неужели переводчик сочиняет целые фразы (напр. 215)?».

В брошюре «Принципы художественного перевода» (Пг., 1920), в своей статье «Переводы прозаические» Чуковский подробно проанализировал и достоинства и недостатки перевода Введенского. Брошюра эта предназначалась в качестве пособия для молодых переводчиков — слушателей студии «Всемирной литературы». Ответом на вопрос Блока: «Неужели переводчик сочиняет целые фразы?» — можно считать главу «Текстуальная точность» в вышеуказанной

статье Чуковского, где между прочим Чуковский сообщает, что, проредактировав перевод Введенского, он исправил около *трех тысяч ошибок* и отбросил около *девятисот отсебятин*³.

Горький читал тот же томик «Копперфильда» с поправками Чуковского, что и Блок. В мемуарном очерке «Горький» Чуковский вспоминает: «Вот еще одна записка Алексея Максимовича — по поводу „Давида Копперфильда“ в переводе Иринарха Введенского (...) я сделал попытку исправить его перевод, причем, мне было важно узнать, не вносят ли мои обильные поправки стилистического разноречия в переработанный текст. Алексей Максимович в своей краткой записке разрешил мои опасения.

«В переводе Диккенса не усмотрел заметных разноречий между Введенским и Чуковским: ваша работа очень тщательна. Вот все, что могу сказать по этому поводу»⁴.

Однако в конце концов книга не была издана. Вспоминая об этом в 1966 г., Чуковский писал: «(...) я пришел к убеждению, что исправить Введенского нельзя, и бросил всю работу».

Хотя книга так и не вышла, но заметки Блока, записочка Горького, экземпляр «Копперфильда» с редакторскими поправками Чуковского дают наглядное представление о том, с какой тщательностью работала горьковская коллегия. Редактированием перевода Иринарха Введенского, анализом его удач и провалов занимались и Чуковский, и Блок, и Горький.

Приводим заметки Блока о переводе Иринарха Введенского. Для того, чтобы их характер был понятен, в примечаниях даны некоторые фразы Введенского и те поправки Чуковского, которые привлекли внимание Блока⁵.

59. Например: «Тут же был собор Св. Павла», и т. д. вместо

69. Хорошая поправка

Пронзительная боль

Парафраз молитвы

Вы изумляете меня, *вм(есто)*

вы из(умляете) меня в самой высокой степени
наивным, *вм(есто)* безыскусственным

капот, *вм(есто)* *платье*

} Это по-новому

101. У Введенского:

Мое детство М-р Мордстон навязывал какую-то вещь на оконечность тонкой и гибкой тросточки.

Наше время У Чуковского: М-р Мордстон привязывал что-то к концу своей тонкой и гибкой трости.

159. «Со страстным аппетитом» вместо длинной фразы.

189. Название главы. Короткое, вместо длинного Давид Копперфильд

230 ...как будто опасаясь потревожить покойницу (непробудный сон своей госпожи)

249. Блестящие поправки.

8. Дикая легенда, а не поэтическая

55. Никто никогда не думал, что впоследствии в нем будут жить на суше, вместо...

Неужели переводчик сочиняет целые фразы (напр. 215)?

¹ Архив К. Чуковского. Комментарий к Чукоккале. Частично опубликовано. См.: «Чукоккала», с. 213.

² Чарльз Диккенс. Давид Копперфильд, ч. 1. Перев. Иринарха Введенского. СПб., Книгоиздательское т-во «Просвещение», (1906), 485 с.

³ Принципы художественного перевода. Пг., «Всемирная литература», 1920, с. 49.

⁴ К. Чуковский. Современники. М., «Мол. гвардия», 1967, с. 139.

⁵ Так, на с. 69 у Введенского было: «Пропадала моя головешка! — завопила м-с Гуммидж»; у Чуковского: «Бедная я, несчастная женщина! — завопила м-с Гуммидж». На с. 90 у Введенского: «Вы изумляете меня в самой, высокой степени! (...) я вступаю в супружеский союз с безыскусственным и детски-неопытным созданием...»; у Чуковского: «Вы изумляете меня! (...) Я вступаю в супружеский союз с наивным и детски-неопытным созданием...»; на с. 189 название главы VIII у Введенского: «Еду на зимние каникулы и наслаждаюсь разнообразными удовольствиями в родительском доме, причем обращается особенное внимание на один счастливый вечер»; у Чуковского: «Зимние каникулы. Главным образом — один счастливый вечер».

3

В конце 1962 г. Мария Петровна Струкова переслала К. И. Чуковскому папку с бумагами ее сестры — Евдокии Петровны, которая была одно время секретарем издательства «Всемирная литература». Так в архив Чуковского попали деловые записочки Блока к Е. П. Струковой.

В ответном письме ¹ Чуковский писал: «<...> теперь я могу выразить Вам горячую мою благодарность за присланную Вами драгоценную папку.

Я живо помню Евдокию Петровну. Я познакомился с нею еще в редакции „Летописи“. Помню, с каким глубоким уважением говорил о ней Горький. Человек огромной дисциплины, неутомимая труженица, широко и всесторонне образованная, она была идеальным редакционным работником. При первом знакомстве она производила впечатление суховатого и замкнутого человека, но вскоре это впечатление рассеивалось, и раскрывалось любящее щедрое сердце. Ко всем нам, „Всемирным литераторам“, она относилась как к своим лучшим друзьям. Очень любила Крачковского, Блока, Сологуба, Лозинского, и они относились к ней дружелюбно. Даже Сологуб — человек суровый и мнительный — писал ей задушевные письма» ².

Часть бумаг, полученных от М. П. Струковой, Чуковский передал в ЦГАЛИ, некоторые документы (письма к Е. П. Струковой от Блока, Сологуба, Горького) оставил в своем архиве, портрет Горького, сделанный Ф. Шалишиным в Крыму в 1916 г., опубликовал в «Чукоккале» ³.

Блок также упоминает Е. П. Струкову на страницах «Чукоккалы» ⁴. В архиве Блока сохранилось 3 письма от Е. П. Струковой ⁵. Все письма написаны в 1921 г. на бланках издательства «Всемирная литература». Из этих писем видно, что Евдокия Петровна как секретарь издательства постоянно занималась разнообразными литературными и бытовыми делами Блока, посылала ему провизию и деньги. Письма Струковой отправлены не по почте, а с посыльным. В этой роли упоминается постоянно некая Нюша. Именно Е. П. Струкова переслала Блоку письмо Чуковского, на которое Блок ответил 26 мая 1921 г. ⁶

В последних письмах к Блоку в июне 1921 г. Евдокия Петровна писала: «Если бы наше общее сочувствие и желание Вам здоровья могло помочь, то Вы должны были бы очень скоро поправиться <...> Стыдно чувствовать себя здоровой, когда болеют такие люди, как Вы».

Ниже печатаются деловые записочки Блока к Е. П. Струковой, написанные зимой 1919—1920 г.

¹ Оригинал этого письма хранится у Андрея Венедиктовича Федорова (р. 1906), родственника М. П. Струковой, переводчика и литературоведа. Цитируется по копии, любезно предоставленной мне Наталией Иосифовной Ильиной, получившей эту копию от А. В. Федорова.

² В письме от 18 июля 1920 г. Ф. К. Сологуб писал Е. П. Струковой: «Шлю Вам привет из Костромы <...> Читал два раза в Костроме, — стихи, потом главы из романа, два раза был в студенческом кружке, где читали „Розу и Крест“ Блока; в Костроме ведь теперь есть Университет...» (оригинал письма в архиве К. И. Чуковского).

³ «Чукоккала», с. 175, 177.

⁴ Там же, с. 210.

⁵ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 416, л. 1—3.

⁶ ЛН, т. 92, кн. 2, с. 242, 243.

<15 декабря 1919 г.>

Многоуважаемая Евдокия Петровна.

Позвольте просить Вас переслать в типографию вслед за V томом Гейне прилагаемый листок (Зоргенфрей сам просил обозначить его инициалами).

У меня жар (простуда), так что завтра мне не удастся прийти. Если Вас не затруднит, не можете ли прислать хлеб с Нюшей?

Искренне уважающий Вас Ал. Б л о к

15 XII 1919

1.IV <1920 г.>

Многоуважаемая Евдокия Петровна.

Спасибо Вам от всей души за Вашу заботливость. Я все еще лежу, так что завтра не смогу прийти опять. — А у Свиридовой ¹ ведь все равно — трагедия

остается трагедией: все деньги уходят на морфий (говорят). Сама себя убивает.

Преданный Вам Ал. Б л о к

Прилагаю 100 р. на хлеб и пр., у Вас, кажется, уже минус. На конверте рукою Блока:

Евдокии Петровне

Спасибо за все, прилагаю расписку.

А. Б.

¹ Софья Александровна *Свиридова* (псевд. Жильберта Свиридова, С. Свириденко) — поэтесса, переводчица. Переводила для «Всемирной литературы» стихотворения Г. Гейне. 26 марта 1920 г. Блок написал в издательство: «Ж. А. Свиридовой надо заплатить за перевод...» Речь шла о переводах стихотворений «Лирического интермеццо» Г. Гейне (цит. по кн.: «Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог», вып. 1. М., 1975, с. 417).

В архиве Блока сохранилось несколько писем Свиридовой, относящихся к 1921 г. (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 395, л. 1—14). В письмах она называет Блока «доброй душой» и постоянно просит у него деньги, папиросы, продукты, книги. Из ее писем, а также из писем к Блоку Е. П. Струковой очевидно, что Блок пытался помочь Свиридовой. Так, 24 мая 1921 г. Е. П. Струкова пишет Блоку: «...Ваше письмо относительно Свиридовой передала в Союз писателей». В следующем письме Струкова сообщает Блоку, что выхлопотала для Свиридовой колбасу. И, наконец, в последнем письме (13 июня 1921 г.) Струкова пишет: «Передачи, хоть и не частые, С. Свиридовой наладим». (Свиридова в это время находилась в больнице, в Удельной.)

2 IV <1920 г.>¹

Многоуважаемая Евдокия Петровна.

Спасибо за все, простите, что расписался неверно. Прилагаемый «Маскарад» передайте, пожалуйста, Н. О. Лернеру, он ему принадлежит.

Преданный Вам Ал. Б л о к

¹ Датируется по фразе в предыдущем письме «прилагаю расписку».

15 апреля <1920 г.>

Многоуважаемая Евдокия Петровна.

Я опять Ваш должник, пока прилагаю Вам 150 рублей. Деньги получил, спасибо, но завтра опять не приду — инфлуэнца не выпускает.

Преданный Вам Ал. Б л о к

15 апреля

4

Не только рукописи самого Александра Блока, но и письма близких ему людей передают атмосферу, его окружавшую, и косвенно дают представление о его взглядах и мыслях по тому или иному поводу. Особенно интересны в этом отношении письма матери Блока Александры Андреевны Кублицкой-Пиоттух, чья духовная близость с сыном общезвестна.

Чуковский сохранил два письма от Александры Андреевны. Одно написано при жизни Блока, в феврале 1921 г. В этом письме Александра Андреевна с неодобрением отзывается об альманахе «Дракон» и хвалит лирические стихи Н. Павлович. Называя Чуковского «единственным русским критиком нашего времени», мать Блока пишет, что ее «крайне интересует будущая „книга о Блоке“», над которой в это время работал Корней Иванович. Через два месяца, в апреле 1921 г., сам Блок в письме к Н. А. Нолле-Коган упомянул, что «Чуковский написал большую и интересную книгу обо мне»¹.

Однако книга эта уже вышла после смерти Блока, в январе 1922 г. Чуковский тотчас обратился к матери Блока с просьбой «указать все недочеты книги». Он писал: «Многоуважаемая Александра Андреевна! Меня очень взволновало вчерашнее сообщение Марии Андреевны, что моя книжка Вам не противна. Мне почему-то казалось, что она не понравится Вам <...> Умоляю Вас и Любовь Дмитриевну указать мне все (сколько-нибудь исправимые) недочеты книги. Скоро придется готовить второе ее издание, — тогда многое можно будет раз-

вить, дополнить, устранить»². Александра Андреевна тотчас отозвалась на просьбу Чуковского и написала главным образом о том, что вызвало ее несогласие. В своем письме мать Блока делает ряд глубоких и тонких замечаний по поводу книги и полемизирует с некоторыми суждениями Чуковского о Блоке. Особенно значительно то, что пишет она о стихотворении «Грешить бесстыдно, непробудно...» и о сопоставлении Блока и Гейне. Заканчивается письмо словами: «(...) не стала бы говорить, если бы не чувствовала, что *Вы любите Сашу*. Но это я твердо чувствую».

Чуковский с благодарностью воспринял критические замечания матери Блока. Он ответил так: «Спасибо, глубокоуважаемая Александра Андреевна, за Ваше письмо. Вы прекрасно осветили мне всю книгу, — и я сейчас же сажусь переделывать ее. Как счастлив был Алекс(андр) Алек(сандрович), что у него такая мать: с таким вкусом, таким чутьем! Второе издание я хочу напечатать в Москве — очень дополненное и облагороженное. Спасибо, что потрудились написать так подробно. Ваше письмо ободрило меня: я вижу, что многое можно *поправить*!»³.

«Книга об Александре Блоке» выходила тремя изданиями: Пб., 1922; Берлин, 1922; Пг., 1924 (под названием «Александр Блок как человек и поэт»). Александра Андреевна пишет о первом издании книги.

Перерабатывая книгу для 3-го издания (которое далее будет именоваться книгой 1924-го года), Чуковский очевидно перечел это письмо матери Блока и многое поправил по ее замечаниям. Так, например, в первом издании книга была разбита на множество мелких главок, снабженных заголовками: «Туманы», «Сны», «Тайны», «Двойственность», «Инерция звуков» и т. д. В книге 1924 г. Чуковский убрал все эти заголовки, так как «подразделение на кусочки с названиями» вызвало возражения Александры Андреевны. Многочисленные постраничные исправления, внесенные Чуковским в издание 1924 г., отмечены в комментарии к письму.

Письмо А. А. Кублицкой-Пиоттух к Чуковскому по поводу его «Книги об Александре Блоке» выходит за рамки частных замечаний о книге и затрагивает важные общие проблемы творчества Блока.

¹ Письмо к Н. А. Нолле-Коган от 23 апреля 1921 г. Наст. том, кн. 2, с. 353.

² Письмо К. И. Чуковского к А. А. Кублицкой-Пиоттух от 24 января 1922 г. ИРЛИ, ф. 462, оп. 1, № 170, архив М. А. Бекетовой.

³ Открытка К. И. Чуковского к А. А. Кублицкой-Пиоттух, без даты. — Там же.

23 февраля 1921 г.

Многоуважаемый Корней Иванович, Вы не удивляйтесь, что я вздумала Вам написать. Это от полноты душевной. . . Вчера Саша принес «Дракона», изд. цеха поэтов¹. Я прочла все эти стихи и поразились их убожеством, сочиненностью, вычурностью, холодностью, ветхостью. И так как Вы — единственный русский критик нашего времени, и то, что Вы пишете и даже говорите (о крематории — у нас²), остается неизгладимо в памяти, благодаря *яркой* талантливости, чуткости восприятия и вкусу, отличающих Ваши суждения, я и почувствовала живую потребность написать Вам. Вы не примите за комплименты. Мне ведь ни к чему их Вам расточать: я стара и смотрю уже в могилу. Но мне хотелось бы знать Ваше мнение о Осипе Мандельштаме, Ходасевиче, Лозинском и о родоначальнике их Гумилеве³. Мне все это представляется поэзией вырождения: писано зря, нарочито, не из органической потребности и совсем не потому, что есть что сказать, а чтобы *называться поэтом*. Всеволод Рождественский — сын русского священника — хочет быть бретонцем и сообщает, что его повели в консержери⁴. Соблазняет пушкинский дар — перевоплощаться во все национальности. Но у Пушкина — *это в голову не приходит*, когда читаешь бескорыстно, а тут — все нарочно. Быть может, Вы совсем со мной несогласны. Но, может быть, Вы прочтете лекцию или напечатаете нам по этому поводу что-нибудь талантливое и меткое, как об Ахматовой и Маяковском (боже мой, я ведь и слушала это Ваше сообщение и перечла его на днях — как блестяще хорошо!⁵). И как поражает Маяковский крупностью — рядом с этими выродившимися!

Глава X. ОСТАВЛЯЮТ МЕНЯ НА ПРОИЗВОЛЬ СУДЬБЫ 249

снова прижимая меня к своему сердцу. — День и ночь думала я об этом предмете и все передумала и, наконец, решилась, и, кажется, сдѣлаю хорошо, если соглашусь на предложение м-ра Баркиса; при всем том не мѣшает посоветоваться съ братомъ, а пока, Дэви, не говори объ этомъ никому: пусть оно останется тайной.

Дэви Баркиса добрый и приятный человек, но онъ не знаетъ, что я хочу сказать. Это будетъ мое счастье, и оно меня само будетъ заводить мое счастье съ твоимъ мужемъ. Все пойдетъ отлично, — прибавила она, заливаясь чистосердечными слезами.

Это изречение м-ра Баркиса было приведено такъ кстати, что мы оба хохотали во всю дорогу и достигли заманчивого жилища м-ра Перотти въ самомъ веселомъ расположении духа.

Жилище это имѣло тотъ же самый видъ, что и прежде; только на мой взглядъ оно какъ будто съжилось. М-съ Гумидль стояла у крыльца, какъ будто не сходя съ этого мѣста со времени нашего послѣдняго свиданія. Внутри все было по прежнему; даже букетъ изъ морскихъ цвѣтовъ въ голубой кружѣ красовался въ моей спальнѣ точь-въ-точь, какъ во время моего перваго пребыванія въ этомъ жилищѣ. Я вышелъ изъ комнаты и увидѣлъ въ коридорѣ своихъ знакомыхъ раба, который не только не смѣлъ войти въ комнату, но и не смѣлъ войти въ коридоръ, не позвавъ ни въ кого.

Одного только не доставало: не видѣть было малютки Эммы. Я спросилъ о ней м-ра Перотти.

— Она теперь въ панионѣ, сэръ, — отвѣчалъ онъ, утирая потъ, катившійся по лбу его. — Она была въ панионѣ, Пасотти, у него на лбу, онъ неслучайно.

Потомъ, взглянувъ на часы, прибавить:

— Минутъ черезъ двадцать или черезъ полчаса

ПОПРАВКИ ЧУКОВСКОГО В ТЕКСТЕ
ПЕРЕВОДА РОМАНА ДИККЕНСА
«ДАВИД КОППЕРФИЛЬДЪ»

Архив К. И. Чуковского, Москва

Вот, я написала, что хотела.

Будьте здоровы. Искренняя и горячая ценительница Ваша

А. Кублицкая-Блок-Бекетова

¹ «Дракон», вып. 1. Пб., 1921. В альманахе напечатаны стихотворения Блока «Сфинкс» и «Смолкали и говор и шутки...». Однако в статьѣ «Без божества, без вдохновенія» (апрель 1921 г.) Блок выступилъ съ критикой этого альманаха. «Пламенемъ „Драконъ“ не пышетъ», — писал онъ (VI, 182).

² 3 января 1921 г. К. Чуковский записалъ в дневникѣ свои впечатленія от поездки 2-го января вместе съ Борисомъ Каплуномъ и балериной Снесивцевой в недостроенный крематорій: «...Никакого пиетета. Торжественности ни малѣйшей. Все голо и откровенно. Ни религія, ни поэзія, ни даже простая учтивость не скрашиваетъ места сожженія и погребенія <...> Все в шапкахъ, курят, говорятъ о трупахъ, какъ о псахъ <...> В самомъ деле, что за церемонія! У меня все время было чувство, что церемоній вообще никакихъ не осталось, все на чистоту, откровенно...».

Черезъ несколько дней, какъ это видно из записи в дневникѣ Блока (VII, 395) Чуковский былъ у него в гостяхъ. Судя по письму Александры Андреевны, Чуковский рассказалъ о томъ, что такъ поразило его во время поездки в крематорій.

³ В 1-мъ выпускѣ «Дракона» помещены стихотворенія Осипа Мандельштама «Tristia» и «Черепаша», стихотворенія М. Лозинскаго «Тебѣ ль не петь...», стихотворенія Н. Гумилева «Слово», «Лес» и его «Поэма Начала». Стиховъ В. Ходасевича в этомъ сборникѣ нѣтъ.

⁴ Александра Андреевна имѣетъ въ виду строки из стихотвореній Всеволода Рождественскаго «На палубѣ» и «В те времена...»: «И снится мнѣ, что снѣгъ идетъ в Бретани»; «Какіе-то сапожники и воры // Прикладомъ раздробили двери спальни // И увезли меня в Консьержери».

⁵ Чуковский выступалъ съ чтеніемъ лекціи «Две Россіи (Ахматова и Маяковский)» в Домѣ искусствъ осенью 1920 г. Блокъ упоминаетъ о такой лекціи 20 сентября (ЗК, 502). Эту же лекцію Чуковский читалъ в Домѣ искусствъ 16 декабря (В. К а т а н я н. Маяковский. Литературная хроника. М., «Худож. литература», 1961, с. 451). Статьѣ «Ахматова и Маяковский» опубликована в журналѣ «Дом искусствъ», 1921, № 1, с. 23.

Прочтите намъ, Корней Ивановичъ, напишите и прочтите, а не то ведь Эйхенбаумы всехъ ихъ нарядятъ в тоги гениальности, этихъ беднягъ, сидящихъ по угламъ.

Читали ли Вы послѣдніе лирическіе стихи Н. Павловича? Она резко отличается подлинностью поэтическихъ переживаній. И об этомъ хотелось бы знать Ваше мнѣніе.

Не скрою от Васъ, что меня крайне интересуетъ будущая «книга о Блокѣ»⁶. Евг. Фед. Книповичъ кое-что сообщила мнѣ об этомъ.

Хотелось бы дожить до ее появленія в свѣтъ.

Кстати, интересен Оцупъ — самый добродушный и безвредный из современныхъ поэтовъ: все у него съедобное: небо — кипящий котелъ съ супомъ; самъ онъ — боится растаять, какъ сахар, и одиночество свое сравниваетъ съ одиночествомъ хлебной крошки на столѣ. Поистинѣ опытъ целесообразнаго употребленія пищи. — Уж и припечаталъ же Вы его⁷.

Не вздумайте мнѣ отвѣчать на письмо.

Вы — человекъ занятой, а я — нѣтъ. Отвѣтомъ будетъ то, что сообщите о «поэтахъ».

⁶ В это время Чуковский работал над книгой о Блоке и, придя к нему 10-го января, задавал ему множество вопросов о его стихах. См. запись в дневнике Чуковского 12 января 1921 г. (ЛН, т. 92, кн. 2, с. 254).

⁷ В своём чукоккальском комментарии Чуковский вспоминает: «Когда Блок впервые услышал его имя, он спросил у меня, что такое ОЦУП, очевидно, полагая, что это — аббревиатура какого-нибудь учреждения. Я ответил, что, насколько я знаю, это Общество Целеобразного Употребления Пищи» («Чукоккала», с. 266).

Многоуважаемый Корней Иванович.

Отвечаю на Ваше письмо ¹. Повторяю: в книге Вашей, по-моему, много ценного и хорошего: о Двенадцати, о ветре, о Душе, о Серафиме, об «отъединенности». Все эти определения притом исключительно Ваши. Ни у кого я еще этого не встречала, не говоря уже об общей яркости, живости, талантливости, сопровождающих всякое Ваше печатное и словесное выступление (простите, что так прямо это выражаю). Но Вы хотите знать, что, по моему мнению, не так. И я опять буду откровенна: *фельетонность* — вот главный и общий недостаток. Подразделение на кусочки с названиями придает газетный характер, и все приемы, подходы и многие словечки — чисто фельетонные: «разжалованный серафим», «прилипло» (стр. 24), «сивуха» (стр. 34) — это понятие заменить бы только другими *звуками*, и не так бы ошибало — «гимнастика» (стр. 69), «оголтелой отчаянностью» (стр. 73) ². — Найдется и еще, и в тоне, в приемах — тоже. Кроме того, Вы легко относитесь к *цветам*. И это большой пробел в постижении Блока. В одном месте, вместо *голубой* — Вы даже говорите *синий* цвет (стр. 30) ³. И благодаря такой легкости отношения вывод, что сходство с Соловьевым «внешнее» и даже «случайное». Вывод рискованный, раз существуют «Три свидания»... ⁴ — В одном месте Вы говорите: «голубое и розовое — благополучные, идиллически мирные краски». От Вас ускользает *значительность*... Об этом все сказано в статье о символизме.

На стр. 39 Вы говорите: ...в пошлейшем салоне декламирует *п о ш л е й-ш и е* стихи...

Уже сбежали с плит снега,
Блестели, облажаясь, крыши,
Когда в соборе, в темной нише
и т. д.

Это пошло? — Тогда и весь первый том — пошлость ⁵.

Затем: «за всеми этими торжеств^{енными} образ^{ами}...» (стр. 28) — 4 строки. Если бы Вы знали, до чего это не соответствует тому, что *там* было! И каждое слово этих 4-х строк обидно не то, а хуже всего «незатейливую русскую провинцию» и «румяная соседская барышня» ⁶.

Стр. 43: «циник»! Все, что хотите, только не циник. *Этого* не было и тени в Блоке... ⁷

Стр. 65: «в сонме нигилистов: Ставрогиных, Ив^{анов} Карамазовых» — пусть так, но — «Смердяковых»! — Это как же: Блок и Смердяков? ⁸

Стр. 80: «Да, и такой, моя Россия, ты всех краев дороже мне». Почему Блоку она и такая дорога? Потому что «Три раза преклониться долу, семь — осенить себя крестом». ...Три да еще семь раз подряд поцеловать *с т о л е т н и й, б е д н ы й и з а ц е л о в а н н ы й о к л а д*. — А не потому, что «он в такой *скотоподобной* России чувствует хмель» — скотоподобная — да, но тут не в хмеле дело! ⁹ Затем мне лично очень больно хотя бы мимолетное сопоставление Блока и Гейне (стр. 67). Гейне — мелкая душонка; несмотря на громаду его таланта, это говорю. — Все у него, и самолюбие, и цинизм. — Но тут могут быть разные *взгляды*. И потому — умолкаю.

Досадны опечатки: вместо «ты *горишь над* высокой горою» — «ты *горишь за* высокой горою» (стр. 15). И скажу еще под конец: стр. 13: «этот зыбкий, расплывчатый миф». — Нет, Корней Иванович: это не был миф для него, и о зыбкости и расплывчатости не могло быть и речи ¹⁰.

О *бесцельности* (стр. 94) хорошо сказано у Тютчева в стихотворении «Мужайтесь, о, други». Тут у Вас тоже не то.¹¹

Видите, сколько я наговорила! И не стала бы говорить, если бы не чувствовала, что *Вы любите Сашу*. Но это я твердо чувствую.

Храни Вас Господь.

С искреннейшим расположением Александра Андреевна по первому мужу

Б л о к!

29 января 1922 г.

¹ Письмо от 24 января 1922 г. ИРЛИ, ф. 462, оп. 1, № 170.

² Привожу те фразы из 1-го издания книги К. Чуковского, о которых идет речь:

с. 16: «Бывший ангел, брошенный из зазвездного края на землю, *разжалованный сержант* (курсив здесь и далее мой. — Е. Ч.), чужой среди чужих на чужбине, он брезгливо озирался вокруг».

с. 21: «Вокруг были улицы, женщины, рестораны, газеты, но ничто не *прилипло* к нему, ни к чему он не привязался».

с. 34: «Странно читать после первого тома второй. Другая атмосфера, другой запах <...> И если после первого тома сейчас же открыть второй — не ладаном пахнет, а *сивухой*».

с. 69: «То, что здесь называется объятиями страсти, есть унизиительная надоевшая *гимнстика*».

с. 73: «...едва ли тогда он ощущал эту тему (тему гибели. — Е. Ч.) во всей ее *оголтелой отчаянности*».

В издании 1924 г. убрано «прилипло» (с. 67) и вместо «оголтелой отчаянности» написано «обнаженной отчаянности» (с. 120).

³ Александра Андреевна имеет в виду следующие слова из книги Чуковского: «Даже то тяготение к *синему* цветку, к лазури, которым отмечены первоначальные стихотворения Блока, даже оно отличало романтиков, ибо кто же не знает, что именно романтики, как сказал Веселовский, „имели предилекцию“ к этому цветку: к голубым далям, голубому цветку, голубому томлению».

В издании 1924 г. исправлено: «тяготение к бледно-синему цветку» (с. 76).

⁴ На с. 23—28 своей книги, в главе «Владимир Соловьев» Чуковский рассматривает связь между поэзией Блока и поэзией Владимира Соловьева. Он пишет: «сам Блок повторял мне не раз, что поэзия Влад. Соловьева имела на него влияние огромное». Эту главу Чуковский заканчивает словами: «...если всмотреться внимательно, сходство между Соловьевым и Блоком лишь кажущееся».

⁵ Александра Андреевна неточно истолковывает мысль Чуковского, который утверждает, что Блок «в начале 1906 г., к великому смущению многих, стал демонстративно издеваться над своими святынями. Особенно изумили всех его театральные пьесы, написанные в том же году, „Балаганчик“ и „Незнакомка“ <...> В <...> пьесе „Незнакомка“ он вывел себя самого в виде смешного поэта, который в *пошлейшем* салоне декламирует *пошлейшие* стихи все о той же Прекрасной Даме. Неудержимо было его стремление окарикатурить себя самого».

В издании 1924 г. вместо «пошлейшие стихи» написано «для светских пошляков» (с. 86).

⁶ Речь идет о следующей фразе: «Когда читаешь в первой книге Блока о красных лампадах в тереме у царевны, о голубях, которые слетаются к ее узорчатой двери, о высокой горе, на которой стоит ее терем и т. д., и т. д. — за всеми этими торжественными образами угадываешь *незатейливую русскую провинцию*: помещичью усадьбу на холме, голубятню, *румяную соседскую барыню*, речку, церковку, молодой березняк».

В книге 1924 г. слова, которые вызвали возражения Александры Андреевны, вычеркнуты (см. с. 74).

⁷ В главе, посвященной двойственности Блока, Чуковский пишет: «Все двоилось в его душе, и причудливы были те сочетания веры с безверием, которые сделали его столь близким современной душе. Он и веря, не верил, что верует, и насмехаясь над мечтами — мечтал <...> Двоеверие в себе и других он заметил еще в 1904 г. <...> И тогда же впервые заговорил о своем Двойнике... Этот двойник не оставлял его с тех пор никогда, — насмешливый и ни во что не верящий *циник*, привязавшийся к боговидцу-романтику. Он до странности любил в себе этого *циника*, и если побеждал его, то всегда против воли: в лирике, но не в сознании».

⁸ Речь идет о следующей фразе Чуковского: «Вообще Блок третьего тома есть в каждом своем слове герой Достоевского; бывший созерцатель Иноего, вдруг утративший это Иное и с ужасом опустивший себя в сонме нигилистов: *Стелерогийх, Иванов Карамазовых, Смердяковых*, которым только и осталось, что петля. Блок, как и Достоевский, требовал у всех и у себя самого религиозного оправдания жизни и не позволял себе ни на одно мгновение остаться без Бога».

В издании 1924 г. исправлено: «(даже иногда) Смердяковых» (с. 111).

⁹ В издании 1924 г. исправлено «чувствует хмель и святость» (с. 127).

¹⁰ В главе «Тайны» Чуковский утверждал, что «только таким сбивчивым и расплывчатым языком он (Блок. — Е. Ч.) мог повествовать о той тайне, которая долгие годы была его единственной темой <...> Только та уклончивая, сбивчивая, невнятная, непонятная,

дремотная речь, которую Блок овладел с таким непревзойденным искусством на 20 и 21 году своей жизни, могла быть применена к этой теме. Только из недр такого зыбкого, расплывчатого стиля мог возникнуть этот *зыбкий, расплывчатый миф*. Если бы Блоку не было дано говорить невнятно, его тема иссякла бы на первой же странице. Всякое отчетливое слово убило бы его Прекрасную Даму».

¹¹ Александра Андреевна имеет в виду то место книги Чуковского, где он пишет о трагедии Блока «Роза и Крест» и о ее герое Бертроне, который «побеждает мировую чепуху своим бесцельным страданием». Далее Чуковский утверждает, что «в сущности Блок всегда был Бертраном, но осознал это только теперь».

Мать Блока не соглашается с Чуковским и напоминает ему о стихотворении Тютчева «Два голоса», где есть такие строки:

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!
<...>
Тревога и труд лишь для смертных сердец...
Для них нет победы, для них есть конец.
<...>
Пускай Олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.

Это тютчевское стихотворение очень любил и постоянно цитировал Блок (см. VI, 151; VII, 88; VIII, 395, 397). В одном из своих писем к матери он переписал для нее эти стихи (VIII, 397).